

На правах рукописи

Л.В.Иг

Пешкова Наталия Васильевна

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНФРОНТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТОК-ШОУ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Майкоп – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: Меликян Вадим Юрьевич,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Матвеева Галина Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор /
ФГБОУ ВО «Донской государственной
технической университет» / кафедра
«Мировые языки и культуры», профессор

Оломская Наталья Николаевна,
доктор филологических наук, доцент /
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» / кафедра английской
филологии, профессор

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина» (г. Москва)

Защита состоится «24» декабря 2021 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета по филологическим наукам Д 212.001.09 при ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С текстом диссертации можно ознакомиться в научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, и на сайте университета <https://adygnet.ru/nauka/aspirantura-doktorantura-dissertatsionnye-sovety/dissertation/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Е.А. Богданова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Языковая игра как форма человеческой деятельности исследовалась в философии, педагогике, культурологии, психологии и других науках. Соответственно изучение языковой игры как сложного и многогранного явления в лингвистике велось в различных направлениях: философском, культурологическом, психологическом, собственно лингвистическом и др.

Языковая игра и в современной лингвистике рассматривается в качестве одного из самых значимых для различных дискурсивных практик объектов исследования: «весьма актуальным является определение юрислингвистического статуса текстов, ориентированных на комический эффект. Научная разработка этой проблемы сегодня находится на нулевом уровне и кажется настолько сложной, что исследователи предпочитают ее вообще не замечать» [Доронина 2002: 77-78]. Такое положение дел, к сожалению, сохраняется до сих пор. При этом языковая игра представляет собой один из самых сложных объектов исследования: «Игровое всегда связано с нарушением норм и потому с трудом поддается прямому анализу, исходящему из презумпций формальной логики и элементарной, жестко прописанной нормативности» [Голев 2005: 179-180].

Языковая игра активно используется в различных сферах коммуникации, в том числе в политике, массмедиа и др. По мнению С.И. Сметаниной, «вирус» игры проник сегодня «во многие информационные и аналитические материалы телевидения и печатных средств массовой информации» [Сметанина 2002: 177]. Это обусловлено, в том числе, тем, что «политика, как и поэзия, относится к регистру вымысла и игры, ибо в ней присутствуют признак ирреальности» [Маслова 2008: 46].

Средства массовой информации играют заметную роль в жизни общества и в формировании языка, отражают современные тенденции его развития: «СМИ дают поистине впечатляющую картину пользования языком, что вызывает противоречивые суждения и оценки происходящего. Одни скрупулезно собирают грубые ошибки в речи, ориентируясь на традиционную литературную норму прошлого; другие – приветствуют и безоговорочно принимают «вербальную свободу», отбрасывая всякие ограничения в пользовании языком – вплоть до допустимости печатного использования в языке грубого просторечия, жаргонов и нецензурных слов и выражений» [Валгина 2001: 3].

В наше время все бóльшую важность приобретает один из жанров политического массмедийного дискурса – теледискуссия. Ведущий и её участники для достижения своих профессиональных и политических целей активно используют возможности языковой игры. Такая модель общения позволяет сформировать необходимое отношение к фактам, событиям и личностям, в конечном итоге – общественное сознание с изначально заданными параметрами.

При этом современная коммуникация становится всё более агрессивной. Речевая агрессия «оценивается общественным сознанием как менее опасная и

разрушительная, чем агрессия физическая» [Михальская 1996: 159], поскольку она не содержит прямой угрозы. Однако, по справедливому замечанию А.К. Михальской, речевая агрессия – это первый шаг на пути агрессии физической, т.к. порождает агрессивную социальную среду [Михальская 1996: 160]. При этом «в современном обществе в целом и в средствах массовой информации, в частности, речевая агрессия сдерживается крайне слабо» [Чернышова 2000: 212].

Многие учёные-лингвисты отмечают ничем не оправданный рост уровня конфронтационности коммуникации, прежде всего, в публичной сфере, в том числе в политическом массмедийном дискурсе. По мнению заместителя директора института психологии РАН А.В. Юревича, «россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю» [Владыкина 2013: Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>]. Это детерминировано, в первую очередь, тем, что публицистика всегда была связана с реализацией двух функций – информационной и воздействующей, что обусловило активное задействование обоих каналов коммуникации – рационального и эмоционального. Однако в последние десятилетия акцент неуклонно смещается в сторону воздействующей функции, что и приводит к росту эмоциональности коммуникации, в том числе конфронтационного типа. При этом «именно в политическом медиадискурсе, который является особой частью медиадискурса, речевая агрессия, как правило, приобретает обдуманый и целенаправленный характер» [Лисюткина 2021: 4].

Кроме того, современный мир живёт в условиях информационной войны. В этой связи возрастает роль журналиста, который ретранслирует определенную идеологию. В моменты кризисов события интерпретируются на основе архетипических категорий «свой» – «чужой», которые формируют общественное сознание, а также национальный вариант толкования истории. По мнению Ю.М. Лотмана, культура вообще начинается с разделения мира на внутреннее («свое») и внешнее («чужое») пространства [Лотман 2004: 257].

Вполне естественно, что деструктивность коммуникации усиливается подбором соответствующих языковых ресурсов, которые изначально предрасположены к общению в условиях конфронтации. К таким ресурсам можно отнести языковую игру, характеризующуюся двойственной иллокутивностью, в том числе конфронтационной: «игровая ситуация – весьма частотный источник острых межличностных конфликтов» [Голев 2005: 179]. Этому способствует и специфика некоторых сфер коммуникации. Так, политика всегда связана с острым противостоянием мнений, взглядов, идей, людей. Кроме того, жанр ток-шоу относится к агональным, т.е. состязательным, что также усиливает противостояние.

Таким образом, **актуальность настоящего исследования** обусловлена растущим уровнем речевой агрессии и необходимостью обеспечения информационной безопасности общества. Актуальным также представляется изучение языковых ресурсов, в том числе языковой игры, как определённого

типа речевого поведения, основанного на интенциональных нарушениях норм языка, лингвистическая природа которых обуславливает их эффективность в различных дискурсивных практиках подобного рода.

Степень разработанности темы. Изучение языковой игры в современной лингвистике имеет давние традиции. Активный этап её исследования в зарубежной лингвистике начинается с середины XX века, в отечественной – с 80-90 годов XX века. Языковая игра описывалась преимущественно на материале художественной литературы, фольклорного юмора, а в XXI веке эмпирическая база расширилась за счёт рекламных текстов и разговорной речи. Лишь в начале XXI века наблюдается интерес к функционированию языковой игры в современных дискурсивных практиках: в деловой прессе [Илтубаева 2016], в теледискурсе, точнее – в комедийном телесериале [Первак 2018] и др. С.К. Лохова [2007] исследует языковую игру в аспекте компьютерного анализа политической метафоры, В.А. Маслова [2008] в своей статье обозначает актуальность проблемы, при этом рассматривает политический дискурс широко, отмечает единичные случаи языковой игры, преимущественно манипуляции с семантической стороной слова. Чуть позже Т.Р. Бочарова [2013] исследовала имя политика как объект языковой игры, Н.Е. Булгакова [2013] – словесные ярлыки в политическом дискурсе как средство языкового насилия, а Е.В. Бастун [2020] – некоторые формы непрямой коммуникации в политическом дискурсе на материале новостных и аналитических статей английского языка.

При этом сам политический дискурс активно и разноаспектно изучается в последние десятилетия: семантика, семиотика, прагматика, когнитивные аспекты, коммуникативные стратегии и тактики, убеждение, манипулирование, речевая агрессия, речевое насилие, ирония, жанровая специфика (к примеру, предвыборный дискурс, интервью), концептуальная метафора, афоризмы, актуализация имиджа политика и др. Стали появляться исследования, посвящённые одному из наиболее популярных в последнее время жанров политического массмедийного дискурса – ток-шоу. К примеру, А.Ю. Кудрявцева [2017] посвятила свою работу изучению речевых реализаций стратегии доминирования в официальном диалоге на материале ток-шоу. В диссертации М.С. Ковериной [2015] исследуются языковые средства реализации различных коммуникативных стратегий и тактик на примере ток-шоу «Пусть говорят», в диссертации А.Ю. Салихова [2016] – лингвопрагматические особенности дискурса ток-шоу на материале русского и английского языков в сопоставительном аспекте. Анализу дискурса американского ток-шоу посвящены работы А.В. Капишниковой [1999] (лингвистические средства управления дискурсом на материале американских радиопередач ток-шоу) и Е.Г. Лариной [2004] (лингвопрагматические особенности американского дискурса ток-шоу).

Таким образом, языковая игра применительно к политическому ток-шоу до сих пор не рассматривалась учёными-лингвистами.

Объект исследования – языковая игра в системе конфронтационных стратегий и тактик политического медиадискурса.

Материалом для исследования послужил дискурс политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» (2018-2021 гг.). Общий объем эмпирического материала составил 42 выпуска программ общей продолжительностью 3420 минут.

Предмет исследования – функционирование языковой игры как источника конфронтационности в политическом медиадискурсе.

Цель работы – исследование роли языковой игры в современном политическом массмедийном дискурсе.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи исследования**:

1) выявить «игровые» ресурсы языка, активно используемые для реализации коммуникативных действий деструктивного типа в политическом медиадискурсе;

2) исследовать конфронтационный политический медиадискурс с точки зрения нарушения правил коммуникации (принципов кооперации и вежливости);

3) установить актуальные для данного типа дискурсивного пространства коммуникативные тактики и стратегии;

4) установить причины активного использования языковой игры в политическом массмедийном дискурсе, в том числе ток-шоу;

5) описать особенности функционирования языковой игры в политическом массмедийном дискурсе.

Методологической базой работы являются основные положения материалистической диалектики о соотношении языка и действительности, языка и мышления, языка и сознания, а также представления о языке как динамической, развивающейся системе.

Общенаучными предпосылками диссертации послужили теоретические исследования по дискурсу, в том числе политическому и массмедийному, А.Г. Алтуняна [1993, 1999], Н.Д. Арутюновой [1990], А.Н. Баранова [1990, 1991], А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1994], Е.В. Бастун [2020], Н.Д. Бессарабовой [2012], Р.М. Блакар [1987], В.Г. Борботько [2009], Э.А. Бочаровой [2006], Т.А. Булыгиной и А.Д. Шмелева [1997], Н.В. Веселовой [2003], М.Н. Володиной [2003], О.И. Воробьевой [2011], О.В. Гайковой [2003], В.З. Демьянкова [2003, 2012], Е.С. Кара-Мурзы [2009], В.И. Карасика [2002], Е.И. Куманициной [2006], В.А. Масловой [2008], В.Ю. Меликяна [2016], В.Ю. Меликяна и В.В. Посиделовой [2016], Е.О. Менджеричкой [2006], О.Л. Михалевой [2004], А.А. Негрышева [2010], М.Р. Проскурякова [1999], Г.Я. Солганика [2003], Г.Г. Хазагерова [2002], А.П. Чудинова [2006], Е.И. Шейгал [2000]; коммуникативной лингвистике Е.Ю. Баженовой [2015], А.Н. Баранова и Б.П. Паршина [1986], Ю.В. Вознесенской [2010], Д. Гордона и Дж. Лакоффа [1985], В.З. Демьянкова [1982], Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой [1998], О.С. Иссерс [2006], В.В.

Красных [2001], И.А. Стернина [2012], Ю. Хабермаса [2002], А.Е. Ярославцевой [2007].

Частнонаучная методология диссертационной работы основывается на лингвистических исследованиях по юридической лингвистике А.Н. Баранова [2013], И.В. Беляевой [2008], К.И. Бринева [2009], Н.Д. Голева [2005 а)], Г.В. Кусова [2012], О.Н. Матвеевой [2004], В.Ю. Меликяна [2019, 2020], Понятие чести... [2004], Е.В. Секретаревой и О.А. Чернущенко [2004], Цена слова... [2002], Т.В. Чернышовой [2002]; речевой агрессии, речевому воздействию и речевому конфликту Л. Берковиц [2002], О.Н. Быковой [1996], Т.А. Воронцовой [2006], С.В. Дорониной [2002], В.И. Жельвис [2004], А.В. Карякина [2010], В.Ю. Меликяна [2011, 2013, 2014, 2015], В.Ю. Меликяна и В.А. Трофимовой [2019], Л.М. Месропян [2014], Речевая агрессия... [1997], А.П. Сквородникова [1997], В.С. Третьяковой [2003], В.А. Трофимовой [2021], Б.Я. Шарифуллина [2004], Е.В. Шелестюк [2009], Ю.В. Щербининой [2004, 2008]; языковой игре, языковым аномалиям и эстетике языка Н.Д. Арутюновой [1987], А.И. Баранова [1994], М.М. Бахтина [1986, 1988], В.П. Белянина [1995], Н.Д. Бессарабовой [2015], Т.Р. Бочаровой [2013], Т.А. Букиевой [2000], Н.Д. Голева [2005 б)], Т.А. Гридиной [1996], К. Детеринга [1985], М.А. Естафьевой [2006], О.В. Журавлевой [2002], А.Г. Илтубаевой [2016], С.В. Ильясовой и Л.П. Амири [2009], Н.Е. Ковыляевой [2015], А.Ю. Кудрявцевой [2017], Ю.Н. Кучерявых [2019], С.К. Лохова [2007], Т.В. Первак [2018], Л.П. Раскоповой [2003], Г.Ф. Рахимкуловой [2004], В.З. Санникова [2002], О.П. Симутовой [2008], Н.Л. Уваровой [1986], Б.Я. Шарифуллина [2004], Т.И. Шатровой [2006], G. Grüner [1995].

Методы исследования. В работе использовались описательный метод, метод компонентного анализа семантической структуры слова, логического, морфологического, словообразовательного, синтаксического, стилистического и коммуникативного анализа, а также контекстуально-интерпретационный метод исследования медиадискурса. Значения единиц уточнялись по толковым, фразеологическим, синонимическим, антонимическим словарям, по словарям ненормативной лексики и другим лексикографическим источникам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для реализации коммуникативных интенций деструктивного типа в «игровом» дискурсе политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» используется ограниченный набор фонетических ресурсов языка, более широкий арсенал морфологического и словообразовательного уровней, а также очень разнообразный спектр лексико-семантических средств языка (обыгрывание как формы языковой единицы, так и её содержания).

Особенностью политического медиадискурса является регулярное нарушение законов формальной логики, позволяющее производить любые манипуляции с фактологическим материалом: чаще всего нарушается закон тождества, гораздо реже – законы достаточного основания и противоречия.

Активно используются и более сложные формы языковой игры – речевые приёмы: «анализ-«минус», отсрочки реализации коммуникативного смысла высказывания, создания «черно-белого» мира, сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, актуализации пресуппозиций, гиперболизации, генерализации и др.

2. В конфронтационном дискурсе политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» регулярно нарушаются различные правила коммуникации: чаще всего – постулаты качества (в связи с репрезентацией большого количества недостоверной информации) и максима одобрения (в связи с агональным характером ток-шоу). Предпочтение отдаётся переходу на личности как более эффективному инструменту коммуникативного противоборства. Остальные принципы кооперации и вежливости нарушаются реже. Максимумы симпатии и скромности нерелевантны в исследуемом конфронтационном дискурсивном пространстве в силу его жанровой специфики.

3. Коммуникативное поведение участников исследуемого ток-шоу примерно на 70% связано с реализацией агрессивного речевого воздействия, направленного преимущественно на эмоциональное подавление оппонента, что обусловило доминирование коммуникативных тактик конфронтационного типа. Наибольшей агрессивностью отличается коммуникативное поведение самого ведущего ток-шоу. Коммуникативные тактики кооперационного типа встречаются крайне редко. При этом активно применяются метакоммуникативные тактики, призванные управлять острой политической дискуссией.

Данные тактики реализуют две основные коммуникативные стратегии: дискредитации (инструментальная) и формирования общественного мнения (содержательная). В результате превышения меры допустимого законами жанра политического ток-шоу агрессивного речевого воздействия вспомогательная коммуникативная стратегия дискредитации трансформируется в доминирующую.

4. Активное использование языковой игры в политическом массмедийном дискурсе, в том числе ток-шоу, обусловлено её спецификой, прежде всего, двойственной иллокутивностью. С одной стороны, языковая игра обладает высоким деструктивным потенциалом, с другой – в силу отнесённости к непрямым формам коммуникации способна замаскировать конфронтационные интенции адресанта и разрушительный характер применяемых ресурсов, придать речи игровой, несерьёзный, даже эстетический характер, снизить эмоциональное напряжение, придать коммуникации в целом «приличную» форму, соответствующую законам жанра общественно-политического ток-шоу.

Кроме того, следует отметить агональный (состязательный) характер жанра самого политического ток-шоу, природа которого уже изначально предполагает дозированное использование агрессии по отношению к оппонентам и предмету речи, необходимость активного воздействия на

реципиента и формирования заданного общественного мнения, а также устную форму коммуникации, острую тематику дискуссии, конфронтационность самой политической сферы, предполагающей острое противостояние политических идей и подходов, недоверие граждан к политической сфере в целом, а потому неэффективность инструментов коммуникативного убеждения.

Всё это и обуславливает чрезвычайную «популярность» языковой игры в различных конфронтационных (деструктивных) коммуникативных практиках. Симбиоз массмедийного политического дискурса и языковой игры представляет собой идеальное сочетание формата коммуникации (ток-шоу), коммуникативных стратегий и тактик, а также «тонкого» инструментария их реализации.

5. Языковая игра в дискурсе политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым», несмотря на исходную позитивную заданность (формирование общественного мнения), в целом продуцирует высокий уровень речевой агрессии. В политическом ток-шоу доминирует установка на конфликт. Коммуникативное поведение участников ток-шоу, в первую очередь, самого ведущего В. Соловьёва, воспринимается реципиентом как превышение допустимого уровня речевой агрессии. В результате иллюкативная двойственность языковой игры нейтрализуется, актуальной остаётся лишь её деструктивная природа, а изначально непереходная агрессия ток-шоу трансформируется в переходную.

В. Соловьёв является участником конфликта в отличие от А. Малахова (ток-шоу «Пусть говорят»), который, по мнению М.С. Ковериной [2015], в основном провоцирует конфликтную ситуацию между участниками программы. В этом проявляется специфика исследуемой коммуникативной личности.

Лишь в исключительных случаях языковая игра используется в позитивном ключе – с целью нейтрализации деструктивных последствий коммуникативных действий оппонента. Это позволяет выделить ещё одну функцию языковой игры наряду с инвективной (конфронтационной) и метаязыковой (эстетической – кооперационной) – нейтрализующую (конфронтационно-кооперационную). Нейтрализующая функция деструктивна по форме, но конструктивна по интенции, т.к. направлена на созидание в рамках острой политической дискуссии.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые языковая игра как определённый тип речевого поведения, основанный на интенциональном нарушении норм языка, исследована в аспекте конфронтационного потенциала через призму дискурса политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым»: выявлены «игровые» средства языка, а также типичные нарушения законов формальной логики и речевые приёмы, активно используемые в политическом ток-шоу для реализации деструктивных

интенций; описаны правила коммуникации (принципы кооперации и вежливости), чаще всего подвергающиеся нарушению, а также те из них, которые нерелевантны в данном жанровом формате; установлено, что в коммуникативном плане доминируют коммуникативные тактики и стратегии конфронтационного типа, а также агрессивное речевое воздействие, направленное на эмоциональное подавление оппонента, что приводит к деформации стратегического аспекта коммуникации; выявлены причины активного использования языковой игры в различных конфронтационных коммуникативных практиках, а также наличие корреляции между её языковой природой, а также жанром политического ток-шоу; исследованы особенности функционирования языковой игры в политическом массмедийном дискурсе (нейтрализация иллюзивной двойственности, превышение допустимого уровня речевой агрессии, а также порождение переходной агрессии и др.).

Теоретическая ценность работы заключается в дальнейшем развитии теории языковой игры, расширении представлений о причинах её особой эффективности в коммуникации, а также активного использования в политическом массмедийном дискурсе; в систематизации средств деструктивного речевого воздействия; в развитии коммуникативной, функциональной, прагматической и юридической лингвистики, медиалингвистики, экологии языка, стилистики; в установлении междисциплинарных корреляций с политологией, социологией, психологией, этикой, правом и журналистикой; в дополнительном обосновании необходимости соблюдения в современной публичной коммуникации норм морали, этики и права, в том числе профессиональной этики журналиста.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в практике лингвистической экспертизы по делам о защите чести и достоинства, при разработке специальных методик юрислингвистического исследования политического массмедийного дискурса, а также в практике преподавания дисциплин по юридической и коммуникативно-функциональной лингвистике, прагмалингвистике, медиалингвистике, экологии языка и стилистике; в разработке специальных курсов и семинаров по проблемам речевой коммуникации в массмедиа, а также медиабезопасности и медиаграмотности, специализированных учебных пособий для вузов и колледжей.

Апробация работы. Основные результаты исследования докладывались и обсуждались на II-ой международной научной конференции преподавателей, аспирантов, магистров, студентов вузов ЮРГТУ (г. Новочеркасск, 2013 г.), международной научно-методической конференции «Личность, речь и юридическая практика» (г. Ростов-на-Дону, 2015 г.), а также на международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы» в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва, 5-6 октября 2021 г.). По теме диссертации опубликовано 8 статей, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность изучения языковой игры как способа реализации конфронтационных стратегий в политическом ток-шоу В. Соловьёва, представлены объект, предмет, цель, задачи, принципы и методы исследования, описана новизна, сформулирована теоретическая значимость и практическая ценность работы, даны положения, выносимые на защиту, а также сведения об апробации и структуре работы.

В первой главе «Теоретические основы исследования языковой игры в политическом медиадискурсе» рассматриваются понятие языковой игры, её типы и функции, коммуникативные стратегии и тактики, их классификация, понятие, функции и жанры политического дискурса, а также особенности жанровой классификации политического дискурса, определяется специфика исследуемого эмпирического пространства в данных аспектах.

Феномен языковой игры в современной лингвистической науке имеет несколько наименований: «языковая игра» [Витгенштейн 1994], «игра слов» [Ефимов 1961: 86], «словесная игра» [Ходакова 1974: 41], «речевая игра» [Гридина 1996: 7], «нарочитое обыгрывание слов» [Мыркин 1998: 22] и др.

Как известно, языковая игра характеризуется двойственной иллокутивностью. С одной стороны, она направлена на кооперативное, фатическое общение и получение эстетического эффекта от манипуляций с языковыми ресурсами: «Наличие табу и возможность выйти за табуистические рамки – мощный стимул для игрового отношения к нему, ибо игра всегда предполагает некую оппозицию нормативности, ее разрушение и создание на этой основе второго (эстетико-игрового) плана содержания» [Голев 2005: 186]. С другой – выступает в качестве грозного оружия, способного нанести серьёзный урон оппоненту: «игровая парадигма как яркий полюс непрямой коммуникации представляет собой обширный полигон для теоретической и практической инвективологии» [Голев 2005: 181].

В юридической лингвистике активно исследуется именно вторая, конфронтационная (деструктивная) функция языковой игры. При этом «вопрос о степени инвективности шуток сводится к обнаружению условий, при которых «нейтрализуется» второй иллокутивный компонент высказывания, условий, при которых остроумие не в счет, поскольку в этих ситуациях просто нельзя шутить» [Доронина 2002: 81]. К таким условиям С.В. Доронина относит различные дискурсивные факторы: «при определении инвектогенности насмешки основную роль играют тема речи и условия коммуникативного акта. Учет этих речевых факторов дает возможность оценить шуточный тон высказывания как допустимый («приличный») или недопустимый («неприличный»)» [Доронина 2002: 83].

В связи с активным использованием в современной юридической лингвистике термина «деструктивное общение» дадим его определение: «Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения,

направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и / или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и / или сознанием собственной правоты. Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации» [Волкова 2014: 12]. Данный тип коммуникации обусловлен существованием специфической функции языка: «... мы используем наш язык не только как средство передачи некоторой информации, но и как орудие (или оружие?), направленное против нашего собеседника (друга, врага, соседа, супруга или супруги, начальника, подчиненного и пр.)» [Шарифуллин 2005: 117].

Деструктивное общение реализуется, в том числе, при помощи вербальной / речевой агрессии. Ранее исследование вербальной агрессии (*fighting words*) в большей степени осуществлялось в зарубежном языкознании [Infante & Wigley, 1986; Leets & Giles, 1997; Nowak, Rotunda and Young, 1986; Saad 1991; Sedler, 1992].

Таким образом, в современной лингвистике существуют различные подходы к исследованию языковой игры: философский, культурологический, стилистический, социолингвистический, когнитивный, литературоведческий, юрислингвистический и другие.

В настоящей работе под языковой игрой мы будем понимать интенциональную, творческую, оригинальную, неканоническую (нарушающую нормы языка) форму порождения и употребления языковых единиц, основанную на знании системы единиц языка, норм использования и способов творческой интерпретации этих единиц, для достижения эстетического, чаще всего комического эффекта. К видам проявления языковой игры можно отнести незатейливую шутку, каламбур, парадокс, аллюзию, разные виды тропов (сравнение, метафора, перифраз и т.д.), намеренное обыгрывание словообразовательных элементов, искажение орфографии и произношения.

Классификация видов языковой игры чаще всего опирается на факт принадлежности того или иного средства её порождения к определённому языковому уровню: фонетическому (фонетическая, фонологическая, графическая, орфоэпическая, акцентологическая), морфологическому, словообразовательному, лексическому, фразеологическому, синтаксическому (в том числе структура текста). Данный подход можно назвать собственно языковым. Ему противопоставляется речевой или коммуникативно-функциональный подход. В соответствии с последним к классификации видов языковой игры применяют такие критерии, как соответствия / несоответствия норме (коммуникативной, функциональной, прагматической, стилистической и др.), способы (формальные, контекстные, метатекстовые и др.) и приемы образования языковых единиц, намеренность / ненамеренность отклонения от нормы, спонтанность (неподготовленность) / преднамеренность (подготовленность) отклонения от нормы, тип асимметрии языкового знака

(омонимия, полисемия, синонимия и др.), несостязательность / состязательность, первичность (оказиональность) / вторичность (шаблонные) и другие.

Языковая игра выполняет очень широкий спектр функций. Главной и первичной функцией языковой игры является эстетическая функция (эмотивная, поэтическая, экспрессивная). Все остальные являются вспомогательными и вторичными: эвристическая (творческая, креативная), изобразительная (более точной передачи мысли, отношения и т.п.), эпатажная, развлекательная или релаксационная, фатическая, аттрактивная (привлечения внимания), корректирующая (создания шутливого настроения или иронического отношения), манипулятивная (управления общественным сознанием), эвфемистическая (смягчения речи, ослабления коммуникативного напряжения), маскировочная или криптолалическая (вуалирования нарушений норм этики и права, «подсудного» предмета речи) и метаязыковая.

Языковая игра активно используется для реализации разнообразных коммуникативных стратегий и тактик. Термины «стратегия» и «тактика» являются междисциплинарными, а потому по-разному определяются, в том числе, в лингвистической науке. В настоящем исследовании под коммуникативной стратегией понимается общий план, совокупность и способ организации коммуникативных прогнозируемых, контролируемых и гибких действий, объединённых единой целью и реализуемых посредством речевого воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и поведенческую сферы адресата с целью их корректировки в заданном направлении. Коммуникативная тактика – это одно или несколько конкретных коммуникативных действий (ходов), реализующих одну или несколько частных коммуникативных целей (задач), направленных на определенные аспекты интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сферы адресата с целью достижения соответствующих эффектов, а также общей коммуникативной стратегии. Коммуникативный ход – это «функциональная единица последовательности действий», инструмент реализации одной или нескольких коммуникативных тактик в соответствии с коммуникативной стратегией.

Проще говоря, коммуникативная стратегия (цель) реализуется совокупностью коммуникативных тактик (задач). Коммуникативная тактика требует одного или нескольких коммуникативных ходов, в рамках которых репрезентируется совокупностью языковых единиц и приёмов.

В современной коммуникативной лингвистике существует большое количество классификаций коммуникативных стратегий. Одним из самых продуктивных является принцип кооперации / некооперации (конфронтации). Данный критерий основывается на соблюдении / несоблюдении правил коммуникации в самом широком смысле. К этим правилам относят прежде всего принципы (постулаты) кооперации Г.П. Грайса [Grice 1975] и принципы (максимы) вежливости Дж. Лича [Leech 1983; см. также: Гордон, Лакофф 1985, Демьянков 1982, Ыйм 1985 и др.].

Различные коммуникативные стратегии по-разному проявляют себя в различных видах дискурсах. Так, Е.И. Шейгал выделяет следующие виды коммуникативных стратегий в политическом дискурсе: «а) вуалирования, затушевывания нежелательной информации, что позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты; б) мистификации, сокрытия истины (сознательное введение в заблуждение); в) анонимности, деперсонализации, как прием снятия ответственности» [Шейгал 2000: 72].

Одной из наиболее частотных и эффективных коммуникативных стратегий конфронтационного типа является стратегия дискредитации, которая в зарубежной лингвистике называется «downplay» («игра на понижение») [Larson 1995]. Она реализуется при помощи широко набора тактик: обвинения, очернения, развенчания, обличения и других.

Разноаспектная специфика политической коммуникации обусловила выбор главного инструмента её осуществления – речевого воздействия. Под речевым воздействием будем понимать «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Иссерс 2008: 21], а также «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, обусловленное особыми предметными целями говорящего, включающими изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструкторов, влияние на поведение, изменение эмоционального настроения либо психофизиологических процессов» [Шелестюк 2000: 41]

По справедливому утверждению Р.М. Блакара, выразиться нейтрально невозможно, так как любой даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти» [Блакар 1987: 91]: язык есть «инструмент социальной власти», всякое использование языка имеет воздействующий эффект [Блакар 1987: 92]. Отсюда, коммуникативные действия любого типа оказывают речевое воздействие на реципиента.

Рассматриваемый в настоящем исследовании тип коммуникативного поведения – «игровой» тип – предполагает активное использование наиболее эффективных способов риторического речевого воздействия конфронтационного (деструктивного) типа.

В силу своей специфики языковая игра активно используется в политическом медиадискурсе. Политический дискурс представляет собой сложный коммуникативный феномен, направленный на достижение главной цели – получение власти. Весь политический дискурс тесно связан с понятием речевое воздействие. В качестве инструментальных выступают следующие функции: социального контроля (регулятивная), легитимизации (самопрезентации) власти, воспроизводства власти, ориентации, социальной солидарности, социальной дифференциации, агональная, акциональная и инспиратив.

В настоящем исследовании изучаемые телевизионные программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный Вечер с Владимиром

Соловьевым» отнесены к политическому медиадискурсу, точнее – медийно опосредованному политическому дискурсу. Особая сфера функционирования (массмедиа), а также сам формат программ обуславливают двойственный характер объектного пространства и позволяют говорить о взаимодействии двух видов дискурса – политического и массмедийного.

Во второй главе «Языковая игра в конфронтационном политическом массмедийном дискурсе» рассматриваются источники конфликтогенности феномена языковой игры в политическом медиадискурсе.

Исследование данного дискурсивного пространства показало, что к языковой игре, построенной на приемах фонетического уровня, обращается только ведущий программы: чаще всего (85%) он пародирует чужую речь, гораздо реже (15%) использует мену на звукоподражательное слово.

Изучение фонетических приёмов языковой игры свидетельствует о том, что, во-первых, в устной форме коммуникации, во-вторых, в политическом дискурсе конфронтационного типа используется ограниченный набор фонетических ресурсов для реализации игрового потенциала коммуникации: применяются исключительно звуковые средства, при этом отсутствуют другие традиционные приёмы – звуко-графические и графические (к примеру, средства шрифтового выделения), а также топографемика (способы размещения печатного текста).

Данный тип языковой игры чаще всего реализует коммуникативную тактику обвинения (собеседника в некомпетентности или лжи), чуть реже – тактику очернения. Обе тактики применяются в рамках коммуникативной стратегии дискредитации в отношении оппонентов.

Кроме того, фонетические приёмы языковой игры в конфронтационном дискурсе несколько снижают степень деструктивности коммуникации, т.к. направлены на достижение «положительных» целей: восстановление статуса-кво в рамках политической дискуссии (соотношения баланса между различными оценками предмета речи), а также доминирование ведущего за счёт информационного и / или административного ресурсов. Этому же способствует использование исключительно не прямой формы коммуникации.

Таким образом, следует различать еще одну функцию языковой игры наряду с инвективной (конфронтационной) и метаязыковой (эстетической – кооперационной) – нейтрализующую (конфронтационно-кооперационную). Последняя формально носит деструктивный характер, однако на самом деле направлена на «созидание» в рамках острой политической дискуссии. Объектом первой функции является лицо, второй – язык, третьей – сфера коммуникации. Отсюда в качестве источников языковой игры следует различать психологические, семиотические и социальные причины. Они всегда выступают вместе, однако при реализации каждой из трёх функций акцент смещается на одну из них: для инвективной функции важным является психологический аспект, для эстетической – семиотический, для нейтрализующей – социальный.

Чаще всего В. Соловьев пародирует особенности речи украинцев и

евреев. Так, в одной из передач В. Соловьев не соглашается с позицией В. Ковтуна по вопросу о газовом конфликте между Украиной и Газпромом. Для выражения своей позиции ведущий намеренно искажает некоторые слова и произносит их на украинский манер:

*Нафтогаз выиграл у Газпрома. Это спор двух коммерческих субъектов. В результате этой вашей легендарной победы вы сейчас покупаете газ в 4 раза дороже, но считаете, «**тю, назло бабӯшке отморозим ягодушки**».* (05.03.2018)

В данном примере имеет место лексическое варьирование устойчивого выражения *назло бабӯшке отморожу себе уши: тю, назло бабӯшке отморозим ягодушки* («мотивация индивидуума может быть настолько сильной, что он не остановится ни перед чем, чтобы достигнуть своих целей, даже если это навредит ему самому»). Имитация украинской речи осуществляется также за счёт понижения стилистического регистра и включения во фразу просторечного междометия *тю* («*Тю междом. прост.* Выражает неприятное изумление, разочарование, пренебрежение» [Квеселевич 2003: 867], замены слова *уши* на *ягодушки* (*ягодицы*), а также переноса ударения в слове *бабӯшке*, окказионального словообразования в слове *ягодушки* и названия части тела, номинация которой в публичной коммуникации ограничена нормами морали («*Всякое публичное осмеяние может быть оценено как оскорбительное, причем зависимость перлокутивного эффекта от степени экспрессивности игрового текста нельзя назвать однозначной, в число оскорблений могут попасть тексты, выдержанные в мягкой эмоционально-оценочной тональности*» [Доронина 2005: 30]). Русскоязычным сообществом вся украинская речь воспринимается как сниженная, т.к. заимствования из украинского языка уже давно получили стабильную ненормативную стилистическую маркированность в русском языке. Поэтому особенности украинской речи очень часто сочетаются с обычными средствами понижения стилистического регистра, что не связано с украинским языком, однако способствует имитации сниженной речи.

Назидательный тон данного выражения, предполагающий доминирование говорящего, усиливает реализуемые им коммуникативные тактики обвинения в осознанных действиях, наносящих ущерб государству, а также тактики очернения, формирующей негативный образа оппонента.

Языковая игра на словообразовательном уровне используется исключительно для реализации коммуникативной тактики очернения, направленной на репрезентацию коммуникативной стратегии дискредитации в отношении украинской власти в целом. Наиболее употребительные приемы: 1) мена корневой морфемы – 50%; 2) добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов – 42%; 3) использование других суффиксов – 8%.

Исследование языковой игры, реализуемой средствами морфологического и словообразовательного уровней, в коммуникативном аспекте показало следующее. Потенциал речевой агрессии, реализуемой данными языковыми ресурсами чрезвычайно велик и не может сравниться с

фонетическим уровнем. При этом используемые в исследуемом дискурсивном пространстве языковые единицы обладают различным уровнем инвективности. Наименьшей (из проанализированных) агрессивностью характеризуются слова *текстик* и *бумажечка*, которые лишь косвенно негативно характеризуют лицо. Слово *кандыдатыня* обладает чуть более высоким потенциалом инвективности в силу того, что называет лицо, а не какие-либо его атрибуты (действия и т.п.). Слова *президентик* и *царёк* имеют такую же инвективную направленность, однако адресованы главе государства (дополнительный дискурсивный фактор), что повышает градус агрессивности и обусловлено грубым нарушением правил коммуникации, а потому и норм морали и этики. Манипуляции с именами и фамилиями (*Клинкин, Чугункин, Шмураев, Фараон*) всегда считаются чрезвычайно обидными. Прямая инвектива *дурачок*, особенно по отношению к главе государства, ещё более усиливает речевую агрессию. Актуализация же обценной лексемы через установление ассоциативных связей между нейтральным и табуизированным словами, несмотря на непрямую форму коммуникации, трансформирует речевую агрессию, изначально направленную на украинскую власть в целом, в агрессию, переходящую на любого присутствующего в телестудии или зрителя: «публичное оскорбление на страницах газеты прежде всего есть факт речевой агрессии, направленной на свидетеля конфликта – читателя» [Доронина 2002: 84]. Уровень инвективности повышается за счёт нескольких дополнительных дискурсивных факторов: речь идёт о столице государства; это государство исторически и т.п. близко России; речевая агрессия реализуется в рамках политического дискурса, а также публично. Отсюда, большинство из проанализированных языковых форм нарушают не только нормы морали и этики, но и права, а потому соответствуют в рамках практики лингвистической экспертизы таким категориям дел, как «унижение чести и достоинства» и «оскорбление»: «не подлежит сомнению и тот факт, что существует некая грань, за которой шутка перестает быть смешной, превращаясь в издевательство» [Доронина 2002: 81].

Лексико-семантические ресурсы языка традиционно представляют собой самый эффективный инструмент порождения языковой игры. Основа когнитивной модели, применяемой в данной сфере, – «...создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Это позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую» [Иссерс 1999 а): 118]. По мнению В.А. Масловой, «это и дает неожиданный эффект: совершаются незаметные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего» [Маслова 2008: 46].

«Наиболее традиционным средством реализации этой тактики является использование метафор, в том числе развернутых метафорических образов» [Иссерс 1999 а): 118; а также: Лакофф, Джонсон 1987: 126-169]. «Данное стилистическое средство является универсальным способом познания и концептуализации окружающего мира и представляет собой призму, через которую человек видит мир» [Телия 1988: 179]. По мнению Н.Д. Арутюновой,

метафорой «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Теория метафоры 1990: 296-297]. Метафора относится к непрямым формам коммуникации, т.к. она «маскирует некоторые стороны коммуникативного процесса» [Лакофф 1987: 32]. Метафора дает возможность передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не обозначает прямо, при помощи непосредственных номинаций [Чудинов 2001: 51]. «Сила метафоры ... заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов 2001: 49].

При этом метафора может выступать в качестве грозного оружия в борьбе с оппонентами: «бранные и оскорбительные слова (*негодяй, дурак* и пр.) не пристают к человеку так прочно, как метафорический образ... Метафора часто содержит точную и яркую характеристику лица. Это приговор, но не судебный» [Арутюнова 1999: 373].

Исследованные метафорические образы, реализующие коммуникативные интенции конфронтационного типа, рассмотрены в параграфе 2.3. с учётом частоты реализации в политическом медиадискурсе, а также интерпретационной эффективности.

Некоторые из этих образов уже изначально являются негативными: «организм и болезнь», «криминальный мир», «животный мир» (применительно к человеку), «ирреальный / загробный мир», «рабовладельческий мир». Другие – приобретают негативную значимость в исследуемом дискурсивном пространстве: «театр», «Библейский мир», «игра», «субъект власти». Например:

В. Соловьёв: *Но вообще вся эта картина на Украине она напоминает представления в погорелом театре с артистами, более профессиональными в мире. Вот главная роль у клоуна Зеленского. Вспомогательная роль у добровольного шута с психическими отклонениями – Саакашвили.* (30.05.2019)

«**Артист <из> погорелого театра, разг., ирон.** Некто, не оправдавший надежд в некоторой деятельности» [Фразеологический словарь русского литературного языка. Викисловарь];

«**Шут.** 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях. 3. *Разг.* Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем» [БТСРЯ 1998: 1508];

«**Клоун.** Цирковой артист, комик. | О человеке, разыгрывающем в обществе роль шута» [БТСРЯ 1998: 433].

В данном фрагменте текста образ «театр» также репрезентирован соответствующим микроконцептом (*картина, представление, погорелый театр, главная роль, клоун, вспомогательная роль, шут*), который реализует коммуникативную тактику обвинения в лицемерии (*напоминает представление*), непрофессионализме (*более профессиональными в мире*), а также тактики обличения (*погорелый театр*) и очернения (*клоун, шут*).

Последняя усиливается за счёт приёма «переход на личности»: *с психическими отклонениями*.

Выявленные метафорические образы реализуют широкий набор коммуникативных тактик деструктивного плана. Самыми частотными выступают коммуникативные тактики обвинения, очернения, развенчания и обличения. Намного реже применяются тактики угрозы, предостережения и план. Тактики похвалы, обеления и смягчения оценки встречаются крайне редко. Относительно активно используются метакоммуникативные тактики управления процессом интерпретации и контроля над инициативой (перехват инициативы), направленные на регулирование коммуникации дискуссионного типа.

Установленные коммуникативные тактики реализуют, как правило, две основные коммуникативные стратегии. Первая направлена на дискредитацию предмета речи, а потому выполняет роль инструментальной: это, как правило, политическая власть Украины, действия США и подобное. Вторая предполагает формирование вполне определённого общественного мнения и выступает в качестве содержательной.

Несмотря на позитивные цели, которые преследуются в рамках политического ток-шоу В. Соловьёва, в целом данное коммуникативное пространство представляется чрезвычайно агрессивным, а потому деструктивным. В исследуемом политическом медиадискурсе чётко различается установка на конфликт, которая, однако, сочетается с применением коммуникативных инструментов и кооперационного типа. Любой коммуникативный конфликт предполагает применение средств речевой агрессии, которая с учётом формата политического ток-шоу В. Соловьёва изначально не задумывается в качестве переходной по отношению к зрителю. Однако коммуникативное поведение участников ток-шоу В. Соловьёва, в первую очередь, самого ведущего, воспринимается зрителем как превышение допустимого уровня речевой агрессии. Следствием этого является то, что непереходная агрессия ток-шоу трансформируется в переходную: «как бы «переадресуется» конкретным окружающим людям, никак лично не повинным в состоянии агрессора» [Михальская 1996: 167-168; см. также: Чернышова 2000: 213].

Активное коммуникативное поведение конфронтационного типа В. Соловьёва делает его участником конфликта, что существенно отличается от роли ведущего ток-шоу «Пусть говорят» А. Малахова: «... в ток-шоу «Пусть говорят» ведущий не является участником речевого конфликта, а провоцирует конфликтную ситуацию между участниками программы. А. Малахов выполняет роль субъекта с деструктивной коммуникативной установкой» [Коверина 2015: 67].

Коммуникативные намерения говорящих в рамках политического медиадискурса очень часто оказываются скрытыми, завуалированными. При этом «существует необозримое множество смыслов, передаваемых имплицитным образом речевыми единицами самых разных уровней»

[Дементьев 2006: 13]. Эти свойства языка активно используются в политической сфере: «Политик, манипулируя словами, может доказать, что “черное – это хорошо замаскированное белое, т.е. строит свое доказательство по формуле “X – это Y”... .. Всё это может стать в речи политиков демагогическими злоупотреблениями» [Маслова 2008: 48].

Это требует применения специального лингвистического инструментария для установления истинной коммуникативной стратегии. Одним из наиболее эффективных представляется анализ «...предметно-логической основы текста, конструируемой так называемыми рационально-логическими структурами, непосредственно соотносящими текст с действительностью» [Чернышова 2002: 45]. Данный метод в практике лингвистической экспертизы, к сожалению, используется крайне редко.

Логико-смысловой анализ текста направлен на выявление логических связей и цепочек и имеет целью, в первую очередь, установление фактов нарушения законов формальной логики: закона тождества, закона достаточного основания (причинно-следственной связи), закона противоречия и закона исключенного третьего. В исследуемом дискурсивном пространстве встречаются нарушения, как правило, только первых трёх законов формальной логики, поэтому остановимся именно на них.

Анализ политического медиадискурса показал, что адресант чаще всего преследует коммуникативные цели, скрываемые от адресата. Причиной этого является то, что, во-первых, это делается в рамках острого противостояния политических идей и подходов. Во-вторых, прямое убеждение в политической сфере, как правило, не работает, т.к. политическая сфера ассоциируется в сознании граждан как нечто, не вызывающее доверия, а потому, по мнению адресанта, требует маскировки коммуникативных намерений и действий.

Случаи интенционального нарушения законов формальной логики позволили выявить наиболее частотные механизмы обхода критического мышления реципиента, позволяющие эффективно реализовывать речевое воздействие и обусловленные в определённой степени спецификой сферы применения: «Вербальное выражение намерений по отношению к собеседнику в некоторых ситуациях неприемлемо, поэтому важность имплицитного поведения возрастает в ситуациях, когда взаимодействуют незнакомые люди и один пытается оказать влияние на другого (как это происходит при чтении речей политиками или в рекламе)» [Меграбян 2001: 26].

Чаще всего коммуникантами нарушается закон тождества, что связано с реализацией, как правило, коммуникативной тактики развенчания, а также тактик угрозы, обвинения, обличения, очернения (тактики перечислены по степени частотности реализации в тексте). Крайне редко встречаются тактики кооперационного типа, например, положительной презентации, что подтверждает неэффективность коммуникативных инструментов воздействия подобного рода в рамках исследуемого объектного пространства.

Выявлены также коммуникативные аномалии (неудачи), которые

обусловлены непреднамеренным нанесением вреда (точнее – автовреда) коммуникативным намерениям говорящего, например, тактика дискредитации идеи.

Гораздо реже нарушаются законы достаточного основания и противоречия, которые, как правило, связаны с реализацией тактик обличения и развенчания. В следующем примере происходит подмена реального факта ирреальным (нарушение закона тождества):

В. Вакаров: *Карен, вот я, как и вы, как и многие здесь присутствующие застал себя в Советском Союзе. В 91 году у меня не было выбора за кого голосовать. Советский Союз распался, мне сказали, что вот мы будем строить другое государство. Какое? Я не знал. А вот в 14 году на нас **напали**. Я не буду жестко говорить, кто напал, кто агрессор.*

В. Соловьев (перебивает): ***Блохи на вас напали на Майдане. Вы стали чесаться и кричать: «Хотим в ЕС и кружевные трусики!».*** (04.09.2019)

В. Вакаров имплицитно называет в качестве агрессора Россию (отсылка к событиям 2014 года в Крыму). В. Соловьев подменяет предмет речи другим событием – на Майдане. При этом придаёт второму сюрреалистический гиперболический характер, что порождает иронию, недоверие к точке зрения оппонента (тактика развенчания).

Рассмотрение речевых приёмов, основанных на языковой игре, осуществляется с акцентом на установление нарушений норм коммуникации, т.е. норм этико-коммуникативных, получивших интерпретацию в базовых принципах кооперации. Коммуникант, нарушающий коммуникативно-этические нормы воспринимается аудиторией «как аморальный субъект, который стремится навязать обществу свои корыстные и вредоносные замыслы» [Волков 2009: 103].

Анализ политического медиадискурса показал, что в нём регулярно нарушаются те или иные правила межличностного взаимодействия. Чаще всего нарушение норм коммуникации строится на основе нарушения норм языка и речи, т.е. собственно лингвистических правил, реже они реализуются самостоятельно.

Если говорить о нормах коммуникации, закреплённых в принципах кооперации и вежливости, то следует отметить, что чаще всего коммуникантами в сфере исследуемого дискурсивного пространства нарушаются постулат качества и максима одобрения. Первое свидетельствует о том, что, к сожалению, в политическом медиадискурсе используется большое количество недостоверной информации, второе – о его исключительно конфронтационном характере. При этом коммуниканты вместо простого несогласия (нарушение максимы согласия) предпочитают переход на личности как более эффективный инструмент коммуникативного противоборства. Остальные принципы кооперации и вежливости нарушаются реже и используются в качестве вспомогательных. При этом максимы симпатии и скромности оказываются нерелевантными в исследуемом конфронтационном дискурсивном пространстве.

Следующее противопоставление в рамках приёма создания «черно-белого» мира построено по модели оксюморона:

В. Соловьёв: *Вот такой президент – милашка, мимишный президент, только надо отметить, что он-то поехал, когда у него война идет. Он поехал, когда у него его бойцы ночью всю обстреливали Донецк и Луганск.* (06.06.2019).

«**Милашка.** 1. Фам. Милый, приятный человек; миловидная, приятная женщина» [БТСРЯРЯ 1998: 541];

«**Мимишный.** 1. разг. Милый, нежный» [https://ru.wiktionary.org/wiki/мимишный]/

Говорящий характеризует В. Зеленского как *милого, приятного, нежного человека*. Прилагательное *мимишный* доводит данную оценку до абсолютной. При этом адресант упоминает о том, что его страна ведёт войну против своего собственного народа и президент руководит этим. Данный факт автоматически имплицитно противопоставляет данную оценку данному лицу: *грубый, жестокий, бесчеловечный и т.п.* (нарушение максимы одобрения). Такое противопоставление, в свою очередь, имплицитно дополняет вывод: *Президент Украины – лицемер; его словам нельзя верить* (тактика развенчания; нарушение постулата качества).

Описанные в работе нарушения норм общения обусловили доминирование не прямой формы коммуникации в политическом медиадискурсе: «с повышением культурного уровня личности и общества прямые способы выражения агрессивности подвергаются порицанию и вытеснению» [Доронина 2002: 80]. Смыслы конфронтационного характера репрезентируются при помощи вторичных, косвенных речевых форм, в том числе иронии: «Скрытая агрессия прячется за иронией, подшучиваниями и “дружеской” критикой» [Литвак 1996: 102].

Они чаще всего строятся на основе морфологических (переход имени собственного в имя нарицательное, нарушение правил предложно-падежной сочетаемости, обыгрывания лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности и некоторые другие), словообразовательных и лексико-семантических (энантиосемическое переосмысление (по сигнификативным семам, по коннотативным семам; по типу оксюморона = энантиосемическое противопоставление + актуализация многозначности), нарушение правил лексико-семантической сочетаемости и некоторые другие) ресурсов языка. Некоторые из них представляют собой более сложные манипуляции с языковыми средствами, что приводит к продуцированию соответствующих речевых приёмов. В качестве речевых приёмов наиболее частотными являются приём «анализ-«минус», отсрочки реализации коммуникативного смысла высказывания, создания «черно-белого» мира (на основе необоснованной трансформации шкалы противопоставления), сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, актуализации пресуппозиций, гиперболизации, генерализации и некоторые другие.

Такое разнообразие игровых приёмов и их активное применение создаёт эффект «карнавальности», в которой «целый мир смеховых образов противостоял официальной и серьёзной культуре» [Бахтин 1986: 294]. Суть игрового эффекта «заключается в подчеркнутой несерьёзности высказывания. Несерьёзность выражается в нарочитом искажении реальности, которое может быть создано с эмоциональным зарядом разной степени интенсивности, быть образным или нет, сочетаться с положительной и отрицательной оценкой» [Доронина 2005: 29].

Анализ коммуникативных тактик конфронтационного типа в политическом ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» показал, что доминируют тактики развенчания, обличения, обвинения и очернения, намного реже используются тактики ухода от ответа, увода от ответа, «перевод стрелок», а также негативной самопрезентации. Коммуникативные тактики кооперационного типа встречаются редко: самопрезентации, убеждения, управления вниманием и некоторые другие.

Дальнейшие исследования политического медиадискурса могут быть направлены на изучение иных жанров данного коммуникативного пространства, рассмотрение подобной проблематики в аспектах психолингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, а также описание лингвокультурных различий реализации деструктивных массмедийных политических практик.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Пешкова, Н.В. Языковая игра как средство реализации стратегии дискредитации в конфликтном дискурсе [текст] / Н.В. Пешкова // Научная Мысль Кавказа. 2019, №2. С. 76-79. – Ростов н/Д: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2019. DOI: 10.18522/2072-0181-2019-98-2-76-80. (0,6 п.л.).

2. Пешкова, Н.В. Фонетические средства репрезентации языковой игры в конфронтационном политическом медиадискурсе [Текст] / Н.В. Пешкова // Гуманитарные и социальные науки. 2021, №3. С. 147-156. – Ростов н/Д: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2021. DOI: 10.18522/2070-86-3-147-156. (0,6 п.л.).

3. Пешкова, Н.В. Нарушение законов формальной логики как источник игрового эффекта в конфронтационном медиадискурсе [Текст] / Н.В. Пешкова // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021, №2. С. 104-105. – Пятигорск: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 2021. DOI: 10.53541/25420747_2021_2_104. (0,7 п.л.).

4. Пешкова, Н.В. Языковая игра в конфронтационном политическом медиадискурсе: морфологический и словообразовательные типы [Текст] / Н.В. Пешкова // Научная Мысль Кавказа. 2021, №3. С. 143-149. – Ростов н/Д:

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2021. DOI: 10.18522/2072-0181-2021-107-3-143-149. (0,8 п.л.).

Публикации в других изданиях:

5. Грачева, (Пешкова) Н.В. Стилистические особенности публичной речи (межкультурный аспект) [Текст] / Н.В. Грачева // Наука, образование, культура. Вклад молодых исследователей: Материалы II международной научной конференции преподавателей, аспирантов, магистров, студентов вузов. 2013. С. 318-321. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт), 2013. (0,2 п.л.).

6. Грачева, (Пешкова) Н.В. К вопросу о приемах выражения речевой агрессии в современном русском массмедийном дискурсе [Текст] / Н.В. Грачева // Личность, речь и юридическая практика: сборник научных трудов международной научно-методической конференции. 2015 С. 54-56. – Ростов н/Д: ЧОУ ВО Донской юридический институт, 2015. (0,4 п.л.).

7. Грачева, (Пешкова) Н.В. Лексико-грамматические особенности речевого воздействия в политическом дискурсе (на примере текста оригинальных выступлений В. Путина) [Текст] / Н.В. Грачева // Апробация. 2015, №7 (34). С. 21-23. – Махачкала: Научно-издательский центр «Апробация», 2015. (0,4 п.л.).

8. Пешкова, Н.В. Прием создания «черно-белого» мира в политическом массмедийном дискурсе [Текст] / Н.В. Пешкова // Modern Science. 2021, № 9. С. 145-150. М.: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2021. (0,5 п.л.).